

Л. П. Якимова

Новосибирск, Россия

**КОНЦЕПТ 'БЕДНОСТЬ – БОГАТСТВО'
И МОТИВ КОНСКОЙ ГОЛОВЫ В РАССКАЗЕ
ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА «ПЛОДОРОДИЕ»**

Рассказ Всеволода Иванова «Плодородие» анализируется как композиционный и поэтико-семантический центр книги «Тайное тайных» (1927) и как произведение, с наибольшей полнотой выразившее отношение автора к революции, его «последние думы» о произошедших в стране переменах. Рассказ представлен в неразрывной связи с предыдущим творчеством, прежде всего повестью «Возвращение Будды» (1923), позволяющей декодировать заложенные в ней смыслы – главным образом в аспекте художественного воплощения концептов «бедности – богатства», отношений «города – деревни» и представить творческое поведение писателя как выражение цельного видения сложной действительности 1920-х гг. и глубокой текстуальной связности его поэтического мира.

Ключевые слова: Всеволод Иванов, «Плодородие», мотив «бедности – богатства», смысловое декодирование, текстуальная связность.

Инерция настороженного отношения к творчеству Всеволода Иванова, возникшая после выхода в свет книги «Тайное тайных» (1927) как к писателю, который «отходит от революции», сохранялась вплоть до Перестройки, когда – но теперь уже наоборот – как выразитель революционных идей, он был «сброшен с корабля современности» вместе со всей советской литературой. Так по воле прихотливой игры идеологических пристрастий «большой русский писатель», каким признавал его М. Горький в 1920-е гг., оказался в числе тех полузабытых имен, без которых вся концепция национальной литературы не может считаться истинной.

Неким корректирующим официальную историю литературы обстоятельством можно считать лишь то, что при любых поворотах социальной жизни не терял своей неопровержимой весомости тот гамбургский счет, из которого исходили сами писатели и по которому профессионально-творческий рейтинг Вс. Иванова неизменно сохранял недостижимую высоту. Вспоминая Вс. Иванова, известный сибирский поэт Леонид Мартынов в 1974 г. писал в очерке «История одной враж-

Якимова Людмила Павловна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, motive@philology.nsc.ru)

ды»: «Я полагаю, что Всеволода Иванова еще не прочли и не оценили по-настоящему и такая оценка будет ему еще дана если не в конце нашего, то в начале будущего века» [1, с. 72].

Время подтвердило справедливость жесткого прогноза; действительно, только второе десятилетие XXI в. ознаменовалось серьезным сдвигом в исследовании творческого наследия Вс. Иванова, чему способствовали многие обстоятельства: доступность архивных фондов, публикация новых художественных текстов, прежде всего – вошедших в состав тома «Неизвестный Всеволод Иванов» [2], после почти девятидесятилетнего перерыва переиздание его главной книги «Тайное тайных» в серии «Литературные памятники» [3], появление большого исследовательского труда Е. А. Папковой «Книга Всеволода Иванова “Тайное тайных”» [4], проливших свет на весь ход творческой жизни писателя, способствовавших как обновлению читательской рецепции его произведений, так и переосмыслению его творчества.

Составляющие книгу «Тайное тайных» рассказы пронизаны таким всепроникающим восприятием революционного времени, осмысление и постижение которого требует исторической дистанции, ибо восходит к онтологическому статусу главной альтернативы истории в аспекте определения путей изменения и совершенствования жизни: эволюция или революция? – был и остается главным вопросом культуры и цивилизации, теории и практики человеческого бытия.

Непреходящая особенность исторического момента начала XX в. состояла в том, что именно Россия с беспрецедентным по смелости и дерзости проектом построения нового мира на основе революционного переворота и разрушения старого общества «до основания» предстала перед лицом всего человечества как своего рода социально-идеологический флагман, как возможный пример и образец построения справедливого и счастливого мира в масштабе всего земного шара, и следует признать, что расчет на мировую революцию в 1920-е гг. еще опирался на некоторые реальные предпосылки. К тому же вдали от конкретных обстоятельств России прекрасная цель глобального обновления жизни воспринималась в отвлечении от реальных средств ее осуществления.

Особая острота вопроса о творческом самоопределении писателя пореволюционной поры заключалась в том, что изначально оно происходило в условиях такой силы идеологического диктата, когда аподиктичность предстала единственным допустимым отношением к революции, в результате чего эмоциональный фон изображения революционной нови в строго очерченных границах ее оправдания, утверждения и прославления воцарился в советской литературе на целые десятилетия. Показательно, что уже в послеоттепельное время, когда появился роман Б. П. Пастернака «Доктор Живаго», К. И. Чуковский в своем «Дневнике» за 1956 г. записывал: «Казакевич, прочтя, сказал: “Оказывается, Октябрьская революция – недоразумение и лучше бы ее не было”» [5, с. 131]. Дневниковая запись К. И. Чуковского предстает как факт, не оставляющий сомнения в том, что под гипнотическим воздействием мнения о непогрешимости революции как способа преобразования мира находилась большая часть советских писателей.

Однако литературный процесс Советской поры не был лишь следствием тотальной ангажированности официальной идеологией, беспрепятственно осуществляемым в русле революционистского абсолютизма; писателей, сделавших трудный выбор самостоятельного исследования наступившего времени в советской литературе оказалось немало. Всеволод Иванов справедливо значится в числе первых, кто наряду с Л. Леоновым, К. Фединым, а несколько позднее А. Платоновым, М. Шолоховым, М. Булгаковым и другими, оказавшись лицом к лицу с новой действительностью, отважился на проникновение в ее неизведанные глубины.

Творческий путь, широко открывшийся созданием цикла «Партизанских повестей» («Партизаны», «Цветные ветра», «Бронепоезд 14-69»), прочитанных к тому же в угоду господствующей идеологии, довольно скоро ознаменовался появлением повести «Возвращение Будды» (1923), которую сам автор отрефлексировал как «поворот» к своей главной книге «Тайное тайных».

Творческую историю повести путем обращения к дневниковым записям писателя воспроизводит уже в 1990-е гг. его жена и биограф Т. В. Иванова: «А. Воробскому повесть не понравилась, он ее напечатал в каком-то альманахе и не стал печатать в “Красной нови” – считал эту повесть слабой. Я ему поверил, но все же издал повесть отдельно. Повесть затем, позже, была переведена на польский, и, помню, К. Радек сказал мне как-то: “Вы, Всеволод, написали плохую контрреволюционную книжку. Я читал ее по-польски...” Повесть успеха не имела. А между тем она-то и знаменует поворот к “Тайному тайных”» [6, с. 6].

Действительно, в повести «Возвращение Будды» пунктирно, в латентной форме обозначились основные мотивные узлы «главной книги», отчетливо проступили контуры ее главной проблематики – осмысление революции как избранного Россией пути обновления жизни, явственно выявилась авторская позиция. Петербургскому профессору Викентию Викентьевичу Сафонову, командированному как специалисту по Востоку сопровождать позолоченную статую Будды для передачи ее законным владельцам в Монголии, из замкнутого пространства теплушки открывается широкая панорама пореволюционной жизни России, тотально ввергнутой в холод, голод, разруху, братоубийственную войну. И подобно тому, как по ходу поезда лишается своей позолоты Будда, и отрубленные мародерами «золотые пальцы его мчатся неизвестно куда» [6, с. 80], подобно этому спадает романтический флер с образа революции, и в сознании профессора Сафонова отпечатываются неопровержимые истины: созданный мир полон авантюризма и неправдоподобия; комиссар Анисимов, курирующий сопровождение Будды, – типичное воплощение «кожаных курток», «призван разрушать» [6, с. 11], безоглядно «настойчивое шествие вперед» [6, с. 51] оборачивается дорогой «в тьму». Революция онтологически деструктивна, однажды начавшись, грозит убийственной бесконечностью: «Генералы будут вешать, расстреливать, грабить коммунистов... Коммунисты будут восставать и расстреливать генералов, и колокола будут звонить все меньше и меньше» [6, с. 50].

Не иначе как к парадоксам литературной истории следует отнести факт, что, миновав цензурные препоны, повесть прошла незамеченной и читателями, и критикой. Другая судьба была предопределена книге «Тайное тайных», во многом впитавшей эмоционально-смысловые интенции «контрреволюционной книжки». Хотя вошедшие в «Тайное тайных» рассказы были уже известны по предыдущим публикациям, объединенные единым авторским замыслом и глубоко продуманной композицией в жанровом облике цельной книги они оказались в центре всей литературной жизни конца 1920-х гг. и вызвали такой оглушительный шквал обвинений в измене духу революции, последствия которых непоправимо отозвались на творческой судьбе писателя и продолжали сказываться до наступления нового века. Как автору знаковых для советской литературы «Партизанских повестей» ему оставили имя классика, но под неусыпным оком рапповской критики и официальной цензуры он был лишен свободы творческого голоса: «Всеволод, – с горечью вспоминает В. Б. Шкловский, – продолжал писать книги, пьесы. Их приходилось переделывать по многу раз, и они теряли свою форму» [1, с. 24].

После выхода книги «Тайное тайных» его без устали упрекали в том, что он «отходит от революции», что его творчество «становится все менее и менее созвучным нашей эпохе», как писал Л. Л. Авербах в статье «Новобуржуазная литература и сдвиг в творчестве К. Федина и Вс. Иванова» (цит. по: [4, с. 398]). Обру-

шивая на писателя обвинения в сенсуализме, фрейдизме, бергсонизме, приверженности многообразным формам идеализма, критика отказывала его произведениям в способности воспроизводить социальную реальность, видеть жизнь в процессе происходящих в ней перемен. В действительности же писатель «не отходил от революции», а противостоял лишь ее аподиктическому восприятию, всецело отдаваясь аналитическому осмыслению живой картины революционной действительности, путем бесстрашного погружения в ее глубины, через внешние, видимые ее проявления пытаясь разглядеть тайные, невидимые, вечные законы человеческого бытия. И творческая мысль его «не отходила» в сторону, а была цельной и непрерывной, и в этом плане увидеть эмоционально-смысловые связи «контрреволюционной книжки» с книгой «Тайное тайных» представляется особенно важным. То, что в повести «Возвращение Будды» представало в свернуто-латентном виде, обозначалось контурными линиями тех социально-исторических, идеологических, экономических, духовных паттернов, которые восходили к феномену революции, были ее неотъемлемой сутью, в рассказах «главной книги» обретают форму широко развернутых картин социальной жизни, детально прописанных образов – человеческих типов и характеров, сюжетной выраженности событий. Общий вид таких идеологических концептов, как присвоение и распределение собственности, бедность и богатство, равенство и справедливость, жестокость и милосердие, приватное осмысление которых было властью жестко табуировано, уступает в «Тайное тайных» место плотной органике социально-бытовых сцен, психологической фактуре характеров.

К особому вниманию в этом контексте предрасполагает рассказ «Плодородие». На поэтико-смысловую значимость его указывают многие обстоятельства, не в последнюю очередь личное обращение автора к М. Горькому (20 декабря 1925 г.): «Мне бы хотелось, чтобы вы прочли, Алексей Максимович, в январской книжке – <1>926 г. – рассказ мой новый “Плодородие”. Там все мои последние думы» (цит. по: [3, с. 327]). Глубоко продуманным творческим актом является размещение рассказа в центре книги. Как значима роль «Жизни Смокотинина» в качестве открывающего книгу «Тайное тайных» рассказа, так исполнено значения и композиционное место «Плодородия». Из девяти произведений, составляющих книгу «Тайное тайных», этот рассказ является пятым, располагаясь по середине их общего ряда, исполняя контрапунктные функции художественного воплощения «последних дум» автора.

Если в «Жизни Смокотинина» проблематизирована судьба отдельной личности, «испорченной» долгими годами «непонятных» войн и революций, «разучившейся» жить мирной жизнью, приученной к тому, чтобы «разрушать», а знаменитыми златоустовскими топорами рубить не избы, а человеческие головы, то в «Плодородии» развернута картина социально-нравственных отношений современной деревни. В центре изображения – затерянное в горах Алтая крепкое кержацкое село: писатель воспроизводит деревенский мир, еще не затронутый ходом революционных преобразований, еще сохраняющий добрые традиции патриархального уклада – исконной привязанности к земле, уважения к чужой собственности, трудолюбия, взаимопомощи... Еще не ушла отсюда атмосфера плодородия, слитности с природно-естественными началами жизни.

Но уже появились тревожные симптомы грядущих перемен, уже витает страх перед неизбежным будущим. Связан он с пугающим словом «партия», с непонятными переменами в поведении некоторых односельчан, например, Мартына. К таким, как он, в трудолюбивом кержацком селе привычно сложилось пренебрежительное отношение, и не потому, что беден, а потому, что беден из-за лени и нерадивости к хозяйству. Живописание личности бедняка Мартына сопровождается в рассказе таким обилием колоритных социально-психологических

красок и выразительных подробностей, что авторское стремление убедить читателя в лености и бесхозяйственности героя как главной причине его бедности может показаться даже избыточным. В богатом раскольничьем селе, где у домов «ворота высокие, как у крепостей, с железом крытыми кровлями», а «на бревенчатых заплотах сидят кошки, сытые, толстые» [3, с. 42], у Мартына – «покосившиеся ворота» [3, с. 11]. Так же контрастно выглядят и предметы хозяйственного обихода: на берегу озера, «на необычайно зеленой траве вверх днищами были раскиданы лодки» сельчан. «Один лишь бот, принадлежащий Мартыну, валялся ближе всех к воде, боком, днище было треснутое, пакля вылезла и – обиднее всего – кто-то нагрешил под лодку» [3, с. 35]. «Ко сну он был падок» [3, с. 11], «...любил уходить в горы. Там легко думалось о кладах, редко встречались сельчане, при первом же слове упрекавшие его в лености» [3, с. 36]. Хозяйство Мартына держится лишь на беспримерном усердии жены и надеждах на подрастающего сынишку – ловкого и сноровистого Алешку: «Спросили, много ли Мартын наберег на зиму сена; за него ответила баба» [3, с. 47]. Сельчане ему «и помощь устраивали, и хлеба давали, и еще дадим, коли надо...» [3, с. 48].

Бедный по причине лености, Мартын, отнюдь, не глуп и не лишен сообразительности. Он чутко улавливает дух и направление наступивших в стране перемен, склоняющихся в сторону выражения интереса бедных – чаще всего путем практической реализации нехитрой формулы «отнять и поделить». Искони привыкшим надеяться лишь на себя и свой труд, верить лишь «стогам, скирдам да Богу» [3, с. 51] кержакам он угрожает созданием на селе «партии», способной взять их жизнь под свой жесткий контроль. Такого же склонного к тунеядству, как сам, Турукая, «мужика пустого и никчемного» [3, с. 41], подговаривает: «...давай по селу-то партию устроим, зажмем им гасники-то» [3, с. 47].

Искра беглого разговора разгорается неостановимо опасным пламенем. «Враль и брехняк» Турукай вечером обегал деревню с сообщением о том, что пакет о сельских делах отправлен «главному по партии», а что там написано, «добавил он угрожающе, потом разберутся» [3, с. 47]. В страхе перед неведомым кержацкие старики, смиряя гордость и достоинство уважаемых на селе людей, отправляются к Мартыну на переговоры: «Идти им к Мартыну было до мучения тяжко. Они долго еще говорили о погоде и об урожае, наконец оправили сзади старомодные кафтаны и пошли...»

– Мартын Андреич, ты бы эту штуку, что Турукай болтает, оставил...» [3, с. 47–48]. И на словах убеждали, и заверением новой помощи – и хлебом, и скотиной пытались прельстить, но, ощутив защищенность временем, Мартын уже успел войти в роль человека значительного, ненадолго вкусить соблазн власти над людьми, уже не в силах справиться с соблазном покуражиться над ними и в упоении этой случайной властью, почти теряя чувство реальности, кричит: «Прошу встать!!! Имею я желание ехать с вами, старики, в горы» [3, с. 48].

Автор тщательно, с огромной силой достоверности воссоздает тот внутренний механизм обострения конфликта, когда провокационное поведение Мартына и стихийный страх староверов перед будущим, сомкнувшись воедино, приводят к трагическому финалу – гибели Мартына от мужицкого самосуда. «Когда Мартын стих и перестал даже подергиваться, лысый старик вытер пот, оправили рубашу, перекрестился. – Миром согрешили, миром и отвечать» [3, с. 58].

По сути дела вековечный конфликт бедных-богатых получает у Вс. Иванова необычное ни для русской, ни для мировой литературы разрешение. Страдательной стороной в нем оказываются скорее богатые, чем бедные. Не доведенные классовым неравенством и угнетением до отчаяния бедняки убивают богатея, а вершат мирской суд богатые, доведенные до праведного возмущения поведением бедняка, и хотя самосуд в любом случае лишен оправдания, есть в действиях

кержаков какой-то внутренний резон, мешающий признать невиновность Мартына.

Любовная интрига в рассказе тоже несет отсвет революционного времени. Испытывая душевное раздражение от вечных попреков в лености со стороны истощенной непосильным трудом Пелагеи («ткнула ему вслед тощим пальцем...»), Мартын почувствовал прилив внутреннего покоя от встречи с Еленой, женой начетчика Скороходова: «Она была высокая, полная; льняные косы выбивались из-под длинного платка на синий старинный сарафан. Мартыну понравилось какое-то раздолье, несущееся от нее. Пухлые белые руки ее потрогали маленький подбородок, когда над ней низко пролетела сонная ворона» [3, с. 36]. Но эмоционально-психологическая глухота и косноязычие Мартына воспрепятствовали гармоничному развитию чувств к красивой женщине, которые, не встретив ответа, легко переросли в озлобление и обиду и, по обычаю тех лет, оказались переведенными в регистр отношений богатых и бедных: «Кабы да мне грамоту да обучение, я бы вас, толстопузых чертей, всех превзошел» [3, с. 44]. В поведении героя улавливаются даже ноты оправдания своего права владеть женской красотой на основе победного принципа революции «отнять и поделить»: «<...> конец вам подходит, а... Буде с бабами валяться, буде... дай другим, а?» [3, с. 49]. Нельзя не видеть, как свое раздражение безответностью интимных чувств к Елене Мартын компенсирует неприязнью, даже искусственным взвинчиванием злобы к ее обеспеченному бытию – довольному выражению лица, добротной одежде, отмечает даже, что «башмак у нее с щеголеватым высоким каблуком» [3, с. 56]. В этом контексте совершенное им в горах насилие над Еленой предстает как обытовленная норма разрешения социального конфликта в эпоху революции и как та грань, за которой возмущение сельчан поведением Мартына переходит в самосуд.

В понимании конфликта, разразившегося в селе Ильинском, писатель и современная ему критика разошлись кардинально. Воспроизводя общий фон сложившихся на селе отношений, автор пишет: «Сельчане были староверы – кержаки поалтайскому – любили с благочестием помогать друг другу, любили, чтобы упоминали часто о такой помощи. А Мартын все забывал и благочестием его наполнить так же трудно, как бочку плевками» [3, с. 36]. Однако до критиков не дошли сложность и своеобразие воспроизведенной в «Плодородии» конфликтной ситуации: в Мартыне Г. Е. Горбачев увидел только несчастную и невинную жертву «эгоистической, крепкой, собственнической, дикой и тупой кержацкой деревни», не заметив в позиции автора стремления к глубинному анализу ее социальных противоречий, зато обвинив его в «странном иррационализме» и «самодовлеющем психологизме» (цит. по: [4, с. 417, 419]).

Действительно, психологический рисунок внутренних переживаний деревенского мужика, склонного к душевным метаниям, остроте неудовлетворенных амбиций, перепадам настроения, мучительным рефлексиям, доводящим до физической боли («В вдруг у него громко – будто в реве – заныло сердце. <...> И опять заныло сердце» [3, с. 36], «<...> но в боку вновь словно схлестнулась заноза» [3, с. 37], «А тоска оседала на душе все ниже и ниже, как эти льды» [3, с. 41], «<...> и только почему-то жалко было, что он умылся» [3, с. 57], «И Мартыну почудилось, что он закричал» [3, с. 56] и т. д.), кому-то мог показаться чрезмерно сложным, не отвечающим социальному статусу простого сельчанина, но не заслонял видения современной деревни именно в обличье подступающих к ней революционных перемен.

Когда все перевернулось и еще не начало укладываться, «переключилось» и понятие собственности, представления о богатстве и бедности поменялись местами («до основанья»). Революция дала бедности невиданные ранее преференции, формула «кто был ничем, тот станет всем» обрела буквальный смысл: бедность

открывала невиданные социальные перспективы – вступления в партию, получения высоких должностей, обретения власти над людьми. Именно за это прежде всего ухватился «зряшный, пустой» Турукай, услышав вопрос Мартына: «А ты, Турукай, в партию не хошь?» [3, с. 46], в надежде, что сам Ленин скажет, «а пошто Турукаю не быть у меня главнокомандующим, если он у меня в партии. Надевай на Турукаю ордена и давай ему коня арапской породы» [3, с. 47]. Проникнуться духом времени вынуждены и умудренные жизненным опытом кержацкие старики. Обращаясь к городу за помощью в проведении взрывных работ на леднике, угрожающем селу затоплением, они снаряжают делегацию, состоящую исключительно из бедняков, которых в Ильинском оказалось немного: «Выбрали четырех, которые побородатей да похудее... Пиджаки надели погрязней, долго разучивали, как вначале надо хвалить советскую власть...» [3, с. 51]. И хотя в рассказе «Плодородие» завязан целый узел неразрешимых конфликтов, порожденных ходом революции, в данном случае важно то, что многие из них проросли из зерна одной, казалось бы, случайной и проходной сцены повести «Возвращение Будды», более того, даже одной фразы, обращенной к осмыслению новых связей, которые возникли в послереволюционный период между концептами бедности и богатства. Через Мойку к арке Генерального штаба профессор Сафонов проделывает путь домой: «Петроград совсем похож на деревню: у окон сугробы, проруби на реке, в небе редкие дымы из труб. Женщина в солдатской шапке несет мимо профессора конскую голову... профессор останавливается и спрашивает больше по привычке: “Продаете?” И женщина тоже, должно быть, по привычке, стыдливо глядя себе в ладонь, отвечает: “Нет”. Да, люди стыдятся быть богатыми, им стыдно иметь конскую голову» [6, с. 32].

Ключевая фраза здесь: «люди стыдятся быть богатыми», но не требовалось особой читательской, тем более цензурной прозорливости, чтобы в идеологической атмосфере середины 1920-х гг. открылся ее внутренний смысл, завуалированный бытовленной формой: люди боятся быть богатыми! В ложный «стыд» богатства, спровоцированный идеологией «всеобщего равенства», ввергнутой оказывается вся страна, четыре пятых которой составляет крестьянская масса. Преодолевая долгий «железный путь» от Петрограда до монгольских границ, профессор Сафонов убеждается: «...пальто сейчас все закапывают: Россия вся ходит в шинелях» [6, с. 53]. И поскольку социальные преобразования власть осуществляет главным образом за счет деревни, боятся обнаружить свою зажиточность и алтайские мужики. Набегающий с гор поток торопит их с безотлагательным обращением в город, но в ситуации приближающейся коллективизации, обернувшейся массовым раскулачиванием и жестким изъятием «излишков», нарастают и недоверие, и обида, и страх перед ним: «Что в город! <...> Богатеи, скажут, кулаки – тоните, ни дна вам, ни покрышки. В городе народ обнищал, на достатки зарится» [3, с. 50].

Художественная деталь конской головы как знакового обозначения богатства, которому следует теперь не только радоваться, но и стыдиться или даже бояться, приобретает в литературе 1920-х гг. мотивный характер. Не задаваясь вопросом художественного приоритета, необходимо отметить, что неведомым путем «странного сближения» мотив конской головы обнаруживает себя в качестве зачина повести Л. Леонова «Конец мелкого человека» (1922). Прохожего с лошадиной головой под мышкой профессор палеонтологии Федор Андреич Лихарев встретил, возвращаясь поздно вечером домой после бесплодных поисков пищи. И такую невиданную прыть проявил, рванувшись этому человеку навстречу с намерением предложить за упомянутую голову «миллиона полтора-два», что прохожий в страхе перед взъерошенной фигурой бросил конскую голову в снег и убежал, оставив профессора с неожиданным трофеем.

Возможность декодировать семантически нагруженные части текста, устанавливая тем самым непрерывность творческой мысли писателя, ее цельность и когезивность, возникает посредством восстановления связи не только с предшествующими, но и с последующими произведениями. В случае с рассказом «Плодородие» важно декодировать не только семантические послы повести «Возвращение Будды», связанные с концептом 'бедности – богатства', но обратиться и к более позднему творчеству Вс. Иванова. Главный герой романа «Кремль» (1930) Вавилов серьезно задумывается о продуктивности господствующей идеологии, дискредитирующей права большинства населения страны и возводящей в статус абсолютной социальной истины интерес одного класса. Однажды он «представил себе поле, огромное человечество; да – трудно для человечества всего дать оптимизм, с этим не справилось христианство, а коммунизм хочет дать это только для одного класса» [7, с. 224] (курсив мой. – Л. Я.).

Художественная уникальность рассказа «Плодородие», его эмоционально-поэтическое и смысловое своеобразие заключаются в потаенной силе его интертекстуальности, уходящей корнями и в архетипы народного сознания, и в литературные глубины, прежде всего русской литературы первой половины XIX в. Именно тогда концепт 'бедности как порока социальной жизни' буквально взорвался появлением таких знаковых произведений, как «Станционный смотритель» Пушкина, «Шинель» Гоголя, «Бедные люди» Достоевского, где мотивы стыда и бедности оказались зарифмованы в той степени неразрывности, в какой только и стало возможным цельное видение образа маленького человека – сквозной фигуры русской литературы XIX в., представленной в разнообразии модификаций конфликта «богатых и бедных», «толстых и тонких». Именно тогда онтологическая природа связи стыда и бедности проступила в литературе текстуально (см.: [8]), в повести «Бедные люди» представ ее лейтмотивом: «У бедного человека, – объясняет Макар Девушкин Вареньке, – на этот счет тот же самый стыд, как у вас, примером сказать, девический» [9, с. 11]. Сегодня трудно ответить на вопрос, является ли то текстуальное сцепление, которое возникло в рассказе Вс. Иванова с повестями XIX в., сознательным и глубоко продуманным творческим ходом или восходит к вечной тайне нечаянных схождения, но в любом случае оно увеличивает потенциал «последних мыслей» автора, придавая им особую остроту и напряженность.

С емкостью авторских целей непрерывно связан смысловой потенциал заглавия рассказа «Плодородие». Мотив плодородия такой же сквозной в центральном рассказе книги «Тайное тайных», как и мотив щепы в открывающем ее рассказе «Жизнь Смокотинина», однако его идейно-эстетическая функциональность лишена той вербальной завершенности и определенности, которая характерна для лейтмотива первого рассказа, предоставляя читателю возможность более широкого и свободного выбора смысловых предпочтений и прочтений. Земное плодородие как общая атмосфера, окружающая село Ильинское, где разворачивается обусловленный наступившим временем социальный конфликт, – это и символ неподвластности законов природного мира социальным страстям, и знак авторского отношения к деревне как извечной носительнице плодородных начал национальной жизни России, и, может быть, носитель и выразитель еще многих других смыслов, раскрыться которым время еще не настало.

Подтверждением того, что Вс. Иванов сосредоточил в рассказе «Плодородие» все свои главные думы о наступившем времени, служит богатая вариативность мотива богатства – бедности, что находит выражение в неотступном внимании писателя к глубине таких проблем, как раскрестьянивание деревни, утрата коммуникативной связи деревни с городом и т. д., проблем, которые определили границы того сюжетно-тематического и образного поля национальной литературы,

разработка которого не завершена до сих пор и в ожидании итоговых плодов которой пребывает читатель теперь уже XXI века – в преддверии столетия русской революции.

Список литературы

1. Всеволод Иванов – писатель и человек: Воспоминания современников. М.: Сов. писатель, 1975.
2. Неизвестный Всеволод Иванов: Материалы биографии и творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2010.
3. *Иванов Вс.* Тайное тайных / Сост., статьи, примеч. Е. А. Папковой. М.: Наука, 2012 (Серия «Литературные памятники»).
4. *Папкова Е. А.* Книга Всеволода Иванова «Тайное тайных». М.: ИМЛИ РАН, 2012.
5. *Чуковский К. И.* Из дневника (о Б. Л. Пастернаке) // Вопросы литературы. 1990. № 2. С. 123–153.
6. *Иванов Вс.* Возвращение Будды: Повесть; Чудесные похождения портного Фокина: Повесть; У: Роман / Сост. и вступ. ст. Т. Ивановой. М.: Правда, 1991.
7. *Иванов Вс.* Кремль. У: Романы. М.: Сов. писатель, 1990.
8. *Зырянов О. В.* Кто вышел из гоголевской «Шинели»? // Изв. Урал. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2002. № 24, вып. 5. С. 123–143.
9. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М.: Наука, 1982. Т. 1.

L. P. Yakimova

Novosibirsk, Russian Federation

THE CONCEPT OF ‘POVERTY – WEALTH’ AND THE MOTIF OF A HORSE HEAD IN THE VSEVOLOD IVANOV’S STORY «FERTILITY»

The story «Fertility» by Vsevolod Ivanov is analyzed as the compositional and poetico-semantic center of the book «The secrecy of the secrecies» (1927) and as a work that has expressed most completely the author’s attitude to the revolution and his «last meditations» about the changes that have happened in the country. The story is presented in an inexorable connection with the previous works, first of all with the short novel «Buddha’s return» (1923) making it possible to decode the senses hidden in it, mainly in the aspect of the artistic incarnation of the concepts of «poverty-wealth», «town-village» relations, and present the writer’s creative behavior as the expression of an integral vision of the complex reality of the 1920s and the profound textual coherence of his poetic world.

Keywords: Vsevolod Ivanov, «Fertility», motif of ‘poverty-wealth’, sense decoding, textual coherence.

Yakimova Lyudmila P. – Doctor of Philology, Chief Researcher of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8 Nikolayev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, motive@philology.nsc.ru)